

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

А. В. Бурдуков

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ

(публикация и вступление Т. А. Бурдуковой)

Живя долгие годы среди племен Северо-Западной Монголии, Алексей Васильевич Бурдуков [см. 4, 187—217], подружился с монголами, узнал их быт и нравы, проникся глубоким уважением к их самобытной духовной и материальной культуре. Бывая наездами на родине, он видел, что в России еще слабо представляют себе, что такое Монголия и каковы монголы. Ученые Петербурга и Томска занимались изучением Монголии, но результаты их труда оставались достоянием узкого круга специалистов.

Дружественные отношения между монголами и русскими лишь начинали складываться, и Бурдуков полагал, что одним из эффективных способов упрочения дружбы является широкое распространение сведений о Монголии в русской печати. Это обстоятельство и привело его к мысли писать заметки и рассказы на темы из жизни монгольских племен и печатать их в массовых изданиях.

В 1910 г. Бурдуков был уже по письмам знаком с проф. В. Л. Котвичем, продолжал собирать под его руководством различные материалы и коллекции, необходимые ученым-монголоведам, и посылал их в Петербург. Написал он Котвичу и о своем замысле, который был одобрен. Котвич обещал по мере возможности просматривать и публиковать эти материалы. Поддержка проф. В. Л. Котвича обнадеживала, и в 1910—1911 гг. Бурдуков написал большую часть своих заметок и рассказов по этнографии монголов и отправил их в Петербург.

Не располагая ни временем, ни связями с популярными изданиями, проф. Котвич при всем желании не мог опубликовать тогда своих присланных материалов. Уезжая в 1924 г. из Ленинграда, он передал в архив Азиатского музея сохраненные им письма и материалы А. В. Бурдукова.

Будучи уже во Львове, В. Л. Котвич в 1927 г. писал Бурдукову: «Очень жалею, что мне не удалось захватить с собою Ваших писем. В них было так много данных, теперь я, пожалуй, сумел бы их обработать» [1].

Материалы А. В. Бурдукова, относящиеся к дореволюционному прошлому Монголии, сохранили интерес и в наши дни.

В заметке «Из жизни племен Северо-Западной Монголии» автор рассказывает о празднике и молебствии по случаю чествования обо. В прошлом среди монгольских племен, как и у алтайцев и тувинцев, бытовало поверье о духах, населяющих окружающую природу. У каждой горы, долины и даже целой местности был свой дух или хозяин,

от которого зависело пользование дарами природы, будь то удачливая охота или обильный урожай трав на пастбищах для скота и т. п. Люди обязаны были с почтением относиться к духам, возводить в их честь обо, т. е. насыпи в виде кучи камней и веток, в особенности на горных перевалах и перекрестках дорог, и совершать им жертвоприношения [6, 123—130].

В этом рассказе А. В. Бурдуков дает также характеристику взаимоотношений двух племен — халхасцев и дербетцев. В период маньчжурского господства халхасцы составляли основное население Северной Монголии или Халхи, а дербетцы, как и прочие ойратские племена, называемые еще западными монголами, жили в северо-западной части страны и были выделены в особый Кобдоский округ.

Как видно из рассказа, в начале XX в. между халхасцами и западными монголами (ойратами) все еще сохранялось взаимное соперничество, выразившееся в словесных перепалках, стремлении превзойти в чем-либо друг друга и пр. Этот антагонизм являлся далеким отголоском длительных раздоров между халхасскими и ойратскими феодалами еще в незапамятные времена [5, 11]. Мы публикуем здесь рассказы А. В. Бурдукова в том виде, в каком они были написаны в те далекие уже теперь годы.

1

ИЗ ЖИЗНИ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ [2, ЛЛ. 23—33]. (О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ХАЛХАСЦЕВ И ДЕРБЕТЦЕВ).

Происходит это на устье р. Дзабхан, где она впадает в оз. Айрик-нур. Как раз на этом месте и находится обо, замечательный тем, что служит сразу двум целям. Он не только предмет почитания, возле которого раз в год совершаются молебствие и жертвоприношение в честь местных духов, покровителей кочевников-монголов, пасущих свой стада в окрестных долинах, но служит также и пограничным знаком, разделяющим земли двух хошунов — уделов, населенных разными племенами.

Молебствия в честь обо столь же привычны и необходимы местному населению, как молебны русским крестьянам у часовен или крестов где-нибудь в поле.

Принадлежит этот обо халхасцам хошуна сартульцев Засактухановского аймана и стоит на самой меже. На запад от него простираются обширные кочевья дербетского Вана. Местоположение обо вполне удовлетворяет и дербетцев, приезжающих помолиться во время его чествования сюда же. Они везут с собой положенное в торжественных случаях дэжи — самое лучшее угощение, приносимое в жертву божествам. Состоит оно обычно из крупных кусков сваренного барана, различных сортов сыра, пресных лепешек из муки и внушительного запаса вина-архи и кумыса.

В силу указанных причин празднество бывает довольно многолюдным и веселым. Оно состоит из обряда поклонения обо и традиционных национальных развлечений, сопровождающихся угощением.

Обряд чествования обо, как и подобает, начинается с молебствия, и ламы читают буддийские молитвы. Затем совершается само поклонение обо, и каждый молящийся бросает на него камешек и прицепляет к пруту хадак — шелковый шарф — знак уважения. Жертвенная снедь и сосуды с напитками складываются у подножия обо.

Прежде чем приступать к освящению жертвоприношений, из числа присутствующих специально назначаются люди, которые каждому

молящемуся дают в руку по кусочку сыра. Как только эта процедура заканчивается, ламы, главные вершители обряда, встают со своих мест и идут вокруг обо, за ними следом направляются и все молящиеся. Обходят обо трижды и, призывая духов, громко восклицают: «Хурай, хурай, хурай!»¹. На этом освящение мяса и молочных продуктов заканчивается, и молящиеся съедают свой кусочек сыра.

Тут сразу же появляются дети верхом на рысаках. Они трижды объезжают обо, восклицая: «Хурай, хурай, хурай!» — и устремляются в долину к мете, откуда начинаются скачки. С детьми едет кто-либо из взрослых руководить ими. На этом обрядовая часть завершается.

Проводив наездников, молящиеся забирают груды освященных припасов и идут к шатрам и палаткам, заблаговременно раскинутым невдалеке от обо. Начинается мирской праздник.

Пока участники торжества рассаживаются двумя группами — с одной стороны ламы, а с другой — миряне, образуя как бы два разных лагеря, и оставляют посредине свободную площадку, где скоро будут состязаться в стрельбе из лука и бороться, появляется мчащийся впереди всех скакун.

Толпа оживленно зашумела. Пришедшему первым коню привязывают к гриве *хадак* — такова традиция, — а затем громогласно возвещают имя хозяина коня, к великой его радости и гордости. Прекрасный скакун всегда являлся предметом восхищения монголов.

Самым счастливым чувствует себя дербетец из хошуна Вана. Ведь это его конь пришел первым на скачках. На радостях он хватил лишку, и теперь его обуяла гордость, и нестерпимо захотелось всем и каждому рассказать, как хорош его скакун. И вот пробрался он в ламский шатер и давай хвастаться. Однако вскоре же его кичливые речи вывели из себя халхасцев, и без того оскорбленных тем, что победителем на скачках оказался дербетец-иноплеменник, нанеся тем самым урон их самолюбию. Желая расквитаться за это, ламы надумали уязвить религиозное чувство дербетца и завели между собой такой разговор: «Несчастные люди эти дербетцы! — говорили они притворно сочувственным тоном. — Среди них так и не родился ни один святой-геген. Должно быть, они совсем недостойны божьей милости!».

Хотя к нему и не обращались прямо, дербетец отлично понял, что ламы задирают именно его. «Почтенные ламы, — сказал он тогда. — Зря вы так горько печалитесь о дербетцах и все путаете. У нас, дербетцев, говорится, что святые рождаются там, где много нечистой силы, а скакуны водятся в благодетельной стране (*Бугтай газарт бурхан заяадаг*)».

Делать было нечего, и ламы придрались, как им казалось, к совершенно неоспоримому обстоятельству. Один из них стал рассказывать с прежним сочувствием о том, как он ездил к дербетцам.

«Я просто диву дался, — говорил он, — когда увидел, как много у них косматых старых дев! У нас, халхасцев, такого вовсе нет. Должно быть, женщины у дербетцев все уродины!»

Услышав столь грубую насмешку, дербетец маху не дал. Приподнимаясь на коленях² и посматривая с победоносным видом по сторонам, он громко, чтобы слышали все, сказал: «Вот почтенный лама говорит, что был у нас и, увидя множество старых дев, крайне удивился и никак не мог уразуметь причину столь печального положения, хотя все очень

¹ Как отмечает монгольский ученый Ц. Дамдинсурэн, древнее монгольское слово «хурай» выражало призывный клич. В XIII в. оно попало в Европу и вернулось к монголам в XX в. в виде слова «ура» [3, 45].

² Все сидели на земле, подогнув ноги.

просто и ясно. Мы, дербетцы, исповедуем ламаизм — *шарын шашин*, и добрая половина наших мужчин монашествует. Следуя заветам своего великого учителя, наши монахи всю свою жизнь остаются безбрачными. Вот и получается, что их суженые остаются старыми девами. У вас, халхасцев, такого и быть не может, потому что вы все женаты, начиная с послушника и кончая верховным ламой. Вот и весь секрет, почему у вас нет старых дев».

Разговор принимал излишне резкий тон, и дербетцы поспешили увести из ламского шатра своего захмелевшего сородича, посадили его на коня и отправили с попутным домой.

Солнце близилось к закату. Борьба закончилась, иссякло и вино. Все разъезжались по домам. Подвыпившие наездники едва держались в седлах, а молодежь громко распевала свои протяжные и бесконечные, как сама степь, песни.

Вот случай, ворвавшийся в однообразную пастушескую жизнь дербетца.

* * *

Поводом к написанию очерка «Рассказы монголов о тарбагане-сурке» послужила эпидемия легочной чумы, вспыхнувшая в Маньчжурии в 1910 г.

Желая помочь русским эпидемиологам, изучавшим причастность тарбагана к чумным заболеваниям, А. В. Бурдуков опросил большое число людей в районе р. Хангельцик, а также и попутчиков, встречавшихся ему на дороге в г. Улясутай, куда он ездил по торговым делам. Записи свои он отослал проф. В. Л. Котвичу в конце февраля 1911 г.

2

РАССКАЗЫ МОНГОЛОВ О ТАРБАГАНЕ — СУРКЕ [2, ЛЛ. 140—143].

С появлением чумы в Маньчжурии этот маленький зверек стал популярен, потому что главным виновником появления и распространения чумы считают именно его. Маньчжурскую чуму даже называют тарбаганьей чумой.

Тарбаган водится в большом количестве не только в Маньчжурии, но и на всей территории Монголии, и шкурки его являются одним из важных предметов русской торговли в Монголии, а сами монголы употребляют его в пищу.

Тарбаган ютится по склонам — *бэл* — в норах, вдали от воды. Он питается травой и кореньями и воды не употребляет, довольствуясь, видимо, росой. Зиму спит, зарываясь в нору.

Желая узнать, не бытуют ли среди монголов рассказы о тарбаганах как распространителях болезни, я стал расспрашивать об этом монголов и получил ответы, которыми и спешу поделиться со всеми лицами, интересующимися этим вопросом.

На р. Хангельцик сказали, что существует страшная тарбаганья болезнь — *тарваганы овчин*, очень заразная. Она переходит от тарбагана к человеку и считается неизлечимой. Об этом известно всем без исключения лицам.

Дербетец Буни рассказал, как не очень давно поссорились два его земляка-однохошунца, оба дербетцы. Один из них в гневе воскликнул: «Чтоб на тебя тарбаганья болезнь напала!» Второй обиделся, поехал к хошунному князю и пожаловался на обидчика. Виновного выпороли и оштрафовали одним конем.

По местным понятиям это пожелание смерти от заразной тарба-

ганьей болезни, высказанное в адрес определенного лица, вместе с тем распространялось на весь хошун во главе с князем. Поэтому дербетец, произнесший это проклятье, и был так строго наказан.

Никто из опрошенных не помнил, чтобы такой болезнью болели люди, но все слышали от стариков, что когда-то давно болезнь эта была. Когда именно это случилось, никто не знал. Сами же тарбаганы болели будто бы не так давно, лет тридцать тому назад или, быть может, немного больше, точно сказать не могли. Болезнь на людей не перешла, потому что охота на тарбаганов была запрещена. Если кто тайно и охотился, то осторожно — били только здоровых.

Больных тарбаганов, по словам рассказчиков, узнавали легко. Они пищали сипло, не так пронзительно, как здоровые. Сиплых и не били.

Все утверждали, что тарбаганы едят человеческое мясо, уточняя при этом, что другого какого-либо мяса они не едят. Кое-кто говорил, что видел следы тарбагана, прибежавшего к телу покойника. Тарбаган — вечный враг человека, поэтому и ест его мясо. Если тарбаган коснется мертвеца, то навлечет беду и на его здравствующих потомков, суля им бедность и нищету. Поэтому при виде тарбагана возле тела покойного надо поскорее ехать к ламам и просить их отслужить дорогостоящий молебен, чтобы предотвратить несчастье.

Рассказали и легенду о том, из-за чего тарбаган стал врагом человека.

В давние, мол, времена один китайский хан ходил со своим войском войной на соседние племена. Увлеченный победами, он продвинулся далеко на север. Запасы пищи истощились, всем грозила голодная смерть. Войско роптало, вот-вот вспыхнет бунт.

Видя это, хан приказал, чтобы в первую же ночь все ложились спать, обратясь головой на юг, в ту сторону, где родина. Роптавшие не подчинились ханскому приказу и проснулись на прежнем месте, а хан и его послушные воины за время сна оказались на родине.

Проклиная своего погубителя-хана, оставшиеся воины поклялись вечно мстить людям, и все погибли от голода. Души этих воинов и сделались тарбаганами, вечными врагами людей.

О том, что тарбаганья болезнь есть, говорили везде: и в хошуне Го-гуна и в Сартуле. Подтвердил это и заведующий аймачной конторой-жисаном в Улясутае чиновник из Джалчин-бейсе хошуна.

Содержатель второй от Улясутая уртонной станции, Дулан, 54-летний монгол Жамьян из хошуна Сартул Туше-гуна рассказал, что, когда он был маленьким ребенком, в окрестностях Усан-Дзэль была болезнь на сурках, обитавших на одной из гор. Болезнь тогда на людей не перешла, заразился только один монгол, который жил возле этой горы и охотился на тарбаганов. Сам он и вся его семья от болезни умерли. Окрестные жители, услышав о болезни, тот же час откочевали подальше от опасного места, благодаря чему, возможно, болезнь и не распространилась.

От своего отца Жамьян слышал, что когда-то давным-давно тарбаганья болезнь распространилась по всей Монголии и от нее погибло очень много людей.

Еще Жамьян рассказал, что раньше в тех местах, где водилось много тарбаганов, мертвых непременно клали в ящики, чтобы не могли съесть тарбаганы. Если же почему-либо тело оказывалось на земле без ящика, то в таких местах на тарбаганов не охотились года два, считая их погаными и непригодными в пищу.

Обычай класть мертвых в ящики со временем забылся, да и тарбаганов стало меньше, почти всех истребили.

Рассказал он и легенду о том, почему тарбагана нельзя убивать стрелой.

Оказывается, тарбаган когда-то и сам был стрелком [6, 179], поэтому стрелу он непременно утаскивает к себе в нору, что весьма опасно для жителей местности. Утащив стрелу, тарбаган превращается в оборотня-орлока и вредит людям, навлекая страшные бедствия. Случись такое несчастье, говорил Жамьян, тарбагана надо во что бы то ни стало откопать и убить, если бы даже откапывать его пришлось всем хошунном, чтобы избавиться от возможных бедствий.

Больного тарбагана распознают так, говорил он: разрезают ему ладони передних лапок поперек и смотрят. Если на них есть спекшаяся черная кровь, тарбагана признают зачумленным и выбрасывают. Если же сгустков нет, то считают здоровым, шкурку сдирают и продают, а мясо едят.

Все изложенное выше недостоверно, носит легендарный характер и требует серьезной проверки и наблюдений. И все же во всем этом есть доля истины, послужившая поводом к возникновению этих рассказов и легенд.

* * *

Записи А. В. Бурдукова, несмотря на их подлинность и полезность, к сожалению, остались лежать в архиве.

И только в 1928 г. иркутский профессор А. М. Скородумов, занимавшийся изучением чумного очага в Забайкалье и Монголии, признал, что легенды о тарбаганах, бытовавшие у бурят и монголов, заслуживают внимания эпидемиологов. Он писал: «Еще задолго до научного открытия связи чумного заболевания от тарбагана, больного чумой, в представлении бурят и монгольского племени имелись легендарные сведения о тарбагане и о его норе как хранителях чумного вируса в природе» [7, 18—20].

Совершая частые поездки по Монголии, Бурдуков вел подробные дневники, на основе которых писал свои путевые заметки и публиковал их, если удавалось, в сибирских газетах.

Весной 1921 г. А. В. Бурдуков, скрываясь вместе с семьей от погони, высланной за ним унгерновцами из Улясутая и Улан-Гома, поселился возле оз. Бага-нур. Оказавшись недалеко от протоки Айрикин-холой, он пренебрег опасностью возможной встречи с унгерновцами, осмотрел эту местность и написал небольшую заметку.

Спустя два года, работая заведующим Прикосогольской конторы Центросоюза, он дополнил ее и послал Организационному бюро Всероссийской научной ассоциации востоковедения, назначившему его своим корреспондентом по Монголии. В сопроводительном письме Бурдуков писал: «Основываясь на том, что для науки все области знания интересны, посылаю вам небольшую статью географического характера» [1].

Эта статья А. В. Бурдукова приводится ниже.

3

«АЙРИКИН — ХОЛАЙ — ПРОТОКА ИЗ АЙРИК — НУРА В КИРГИС — НУР» [1]. (ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ).

Это место никто из русских и вообще европейских или каких-либо других путешественников до сих пор, кажется, не посетил. Это объясняется, вероятно, тем, что местность здесь пустынная, дика и находится в стороне от проходных путей.

Г. Н. Потанин описывает эту протоку по рассказам, очень поверх-

носно и неверно. Лично я, живя десятки лет в Хангельцике, все время собирался посмотреть это интересное место, по прямой в восьмидесяти верстах от Хангельцика, и все-таки не мог до сих пор собраться, но, как говорится в пословице, «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Оказавшись здесь, я и осмотрел эту местность.

Протока Айрик-нура проходит в трех-четыре верстах к северо-востоку от одинокой горы Тольбин, среди голой каменистой увалистой степи, постепенно понижающейся с северо-запада к оз. Киргис-нур. С востока к ней примыкает такая же голая, но песчаная равнина, тянущаяся от гор Хулджин-хургун-нуру. Эта равнина разделяет восточные концы Киргис-нура и Айрик-нура. Здесь, у восточного конца Киргис-нура, есть местечко Кок-дэрэсни-узузрин-булук, где имеется питьевая вода. Вода в самом Киргис-нуре горько-соленая. Затем питьевая вода есть в местечке Цэнхэр-булук, на восточном конце Айрик-нура. Добраться сюда можно, лишь обогнув восточный конец Киргис-нура и преодолев не менее сорока верст сыпучих песков. В середине этого пути на запад от дороги уходит песчаный клин верст на 20—25, примыкающий к протоке Айрик-нура. В этот клин осенью, когда выпадает снег, иногда забредают на несколько дней одинокие юрты халхасцев из хошуна Ачиту-вана. В остальное время года нога кочевника сюда не ступает. Эта протока служит естественной границей между хошунами халхасского Ачиту-вана и дербетского Дзорикту-хана.

На запад от горы Тольбин питьевая вода имеется также в Наран-булуке, Аршан-булуке и Чоно-долох, причем в последнем она бывает не всегда. Все они находятся у западного конца Киргис-нура: Наран-булук северо-западнее озера верст на 20—25, Аршан-булук верстах в 10—15 к северу от озера и Чоно-долох у самого западного конца Киргис-нура, представляя собой небольшие заросли *ция-тюнги*, где осенью вытекает маленький ключик, и то солонцеватый. Чаще же приходится копать колодец.

Путник, выехавший из этих пунктов, чтобы добраться до Бага-нура, где мы находимся, должен ехать верст 20—25 по совершенно голой каменистой пустыне, без воды и корма, огибая Киргис-нур с запада на восток, и миновать возвышенность между горами Тольбин и Гильбин, где проходит Улан-гомская дорога, по которой халхасцы ездят за ячменем. Дорога эта выходит на р. Дзабхан по юго-западной стороне горы Тольбин, верст на 20—25 южнее местечка Бага-нур.

Г. Н. Потанин прошел от западного конца Киргис-нура юго-западнее горы Гильбин и вышел на соленое озеро Сангин-далай или Дээрэнэ-дабас, находящееся южнее Бага-нура. В низовьях реки Дзабхан он не был.

Переправиться вброд через р. Дзабхан в низовьях почти невозможно. Самый нижний брод находится в местности Алана-адак верстах в 10—15 от устья, где мы обычно и переправляемся через реку, но не всегда, да и то с помощью местных халхасцев или дербетов. Дно реки слабое и легко засасывает ноги животных.

При нашей переправе 24 апреля 1921 г. глубина Дзабхана была от шести до семи четвертей, переправлялись на верблюдах, так как на лошадях ехать было нельзя. Монголы говорили, что вода еще не очень большая.

Дзабхан впадает в Айрик-нур двумя руслами, отстоящими друг от друга местами верст на 10—12. Оба русла одинаково глубоки. Восточное более широкое и песчанистое, а западное в трубе. Ближе всего в Бага-нур можно попасть со стороны устья Дзабхана, но и то приходится перебираться с большими препятствиями через оба русла реки.

Чтобы побывать на протоке Айрик-нура, нужно было специально снаряжаться, с какой бы стороны ни ехал.

Перебравшись 24 апреля через р. Дзабхан, я встретил своего знакомого старика Прэнлэя, который мне и посоветовал поселиться в Бага-нуре, где стоит его сын Баян-Бэлэк со стадом коров.

26 апреля мы с брода, обогнув гору Тольбин с запада, спустились в котловину оз. Бага-нур. Это небольшое озеро с горько-соленой водой соединено протокой с Айрикин-холай. В округности оно версты три-четыре, заросшее по берегам камышом, который, по словам Баян-Бэлэка, начал расти года три-четыре тому назад. До этого берега были пустынные, а теперь камыши служат кормом для рогатого скота. Больше полсотни коров с телятами, принадлежащих богатому Прэнлэю, бродят в камышах и кормятся. В округности же совершенно голо.

На Бага-нуре оказалось много гусей и уток, среди гама их слышался одинокий голос птички коко-буха, напоминающий крик быка, поэтому, говорят, монголы ее и называют «синий бык-самец» — *коко-бух*. Она водится на оз. Усва-нур, значащемся на карте как Упса-нур, и мелких прибрежных озерках. Птичку эту мне видеть не пришлось, но монголы говорят, что она очень маленькая, вроде кулика. Экземпляр этой птицы видел рабочий Аджа.

Протока Айрикин-холай у впадения в нее вод из Бага-нура принимает вид продолговатого озера-бухты версты полторы длиной и сажен 100—150 шириной. От нижнего конца бухты ширина протоки 30—50 сажен, берега обрывисты и песчаны. Через три-четыре версты она впадает в оз. Киргис-нур. Это озеро здесь глубоким заливом выдается к югу, верст десять шириной, суживаясь у начала верст на 10—15, а у впадения протоки версты на две-три.

Залив синел, уже освободившись ото льда, тогда как на озере еще белел лед. У самого впадения в залив берега протоки пологи и удобны для устройства парома. Здесь и берега Киргис-нура пологи.

В устье протоки сидели тучи черных бакланов, кое-где среди них белели крикливые чайки. Киргис-нур, Айрик-нур, а также и протока изобилуют рыбой, но какой она породы — выяснить не удалось. Один экземпляр этой рыбы, выброшенный ветром на берег и еще вполне свежий, я осмотрел. Был он без чешуи, с большой костистой головой, утолщенной в передней части, немножко сгорбленный. По размеру головы и толщине непропорционально короток, не похож ни на одну рыбу, известную мне. Длинной он был 9 вершков. Специальное обследование рыб Киргис-нура, Айрик-нура и р. Дзабхан может, конечно, установить, какие там водятся рыбы.

В реках Дзагастая и Богдоин-гол, которые берут начало у северо-западного подножия горы Очирвани-Богдо-ул и протекают мимо г. Улясутая, а затем в сотне верст ниже соединяются с р. Дзабхан, водится вкусная рыба хариус, но в низовьях Дзабхана хариус не встречается. Он водится еще в р. Хобдо, воды которой через оз. Хара-ус и протоки Хомын-холай и Татхан-тэль попадают в р. Дзабхан.

Кверху от бухты Айрикин-холай идет в крутых каменистых берегах шириной сажен 40—50, вид ее довольно дик и красив. По берегам местами торчат одинокие кусты тала и тамариска. Есть красивые выступы скал, заливы. До Айрик-нура протока идет небольшими зигзагами. Это от Бага-нура верстах в четырех. В общем, протока из Айрик-нура до Киргис-нура тянется на расстоянии 6—7 верст в направлении с юго-востока на северо-запад. Самое узкое место протоки 30 сажен, а широкое — 50 сажен. Ширина бухты 150 сажен. На всем протяжении протока течет тихо, подобно большой реке. Брода нигде нет, берега

везде обрывисты. Производит впечатление глубокой реки. Крутых изгибов протока не имеет, наименьшая глубина, на мой взгляд, три-четыре аршина, но возможно, что и глубже. Во всяком случае, протоку нужно считать судоходной для небольших пароходов. Когда в будущем люди наладят на пустынном теперь Киргис-нуре судоходство, то, вероятно, используют и этот естественный канал, ведущий в Айрик-нур.

Озеро Айрик-нур в окружности верст 60—70, вода в нем пресная. Река Дзабхан, впадая в его западный конец, образует по направлению к востоку залив. Мутные воды Дзабхана врезаются в озеро, не теряя своего цвета дальше его половины. Напротив, из западного конца Айрик-нура вытекает описываемая протока Айрикин-холай. От устья Дзабхана до протоки здесь не больше десяти верст. В Айрикин-холай, верстах в трех от начала, виднеется совершенно белая скала-островок.

Через протоку Айрикин-холай в Киргис-нур как во внутренний бассейн Северо-Западной Монголии впадают все воды монгольских плоскогорий, район которых простирается на юг — до преддверий великой Гобо, на восток — до водораздела Очирвани-Богдо-ул, восточнее г. Улясутая на 80 верст, на запад — до Монгольского Алтая, из которого берет начало р. Хобдо, общим протяжением около 1000 верст. Характерно, что в огромное озеро Киргис-нур не впадает ни одной речки, за исключением мелких береговых ключиков. Этот внутренний бассейн получает приточную воду лишь через протоку Айрикин-холай. Выхода вод из озера нет никуда.

3 мая западный конец Айрик-нура был свободен ото льда, но к востоку лед еще держался. Протока же всю зиму почти не замерзает, льдом покрывается лишь широкая часть бухты, где иногда зимой и проезжают монголы.

4 мая подул сильный ветер и разбил остатки льда. На Баганур прилетели четыре лебедя, но 5 мая их уже не стало. Очевидно, они остановились по пути. Во время ветра и после носилось много бакланов и чаек, охотившихся на рыб. В камышах и в степи начали появляться первые ростки зелени. Три дня тому назад мы собрали в камышах около 70 штук гусиных яиц. В гнездах было по 3—4—5 и только в одном гнезде 7, а в другом 8 яиц. Были они совершенно свежие. Гуси прилетели, по словам Баян-Бэлэка, около месяца тому назад.

1921 г. 3—9 мая. Бага-нур.

Обстоятельства, приведшие меня в Бага-нур, заключались в следующем: разгромленные революционными войсками в Сибири белогвардейцы устремились в Монголию. Ехали они как целыми отрядами, так и единицами. К марту 1921 г. в г. Улясутае, где мы жили, число белогвардейцев достигало уже сотни. Унгерн-Штернберг уже захватил Ургу, и в Монголии властвовали белогвардейцы.

Как только Улясутай был покинут китайцами, местные белогвардейцы во главе с полковником Михайловым забрали власть в свои руки. Вскоре приехал из Урги уполномоченный Унгерна полковник Доможиров, который назначил Михайлова начальником гарнизона города, а полковника Шевелева комендантом. Город был объявлен на военном положении. Началась мобилизация колонистов.

Доможиров приказал Михайлову уничтожать не только всех большевиков, но и всех подозреваемых в большевизме и даже сочувствующих им, уничтожать незаметно, под тем или иным предлогом. В числе неблагонадежных был и я.

Перед господами русскими офицерами открылась широкая возможность проявить личную инициативу в истреблении своих соотечествен-

ников, проживающих в Монголии. Все зависело от их усмотрения, не нужно было доказательств, фактов, суда и пр. Достаточно было какому-нибудь офицеру заподозрить, что тот или иной человек, как ему кажется, не сочувствует им, белым, чтобы убить его.

Рассказы о том, что в Урге разорены и уничтожены все китайские фирмы, истреблено много русских, вырезаны все евреи с семьями и детьми, аресты и расстрелы в самом Улясутае — все говорило, что медлить нельзя, нужно уезжать, пока не поздно. Бросив все, я забрал жену и четверых малолетних детей, и мы двинулись скитаться по Монголии, как кочевники, надеясь добраться до русской границы.

Путь на Русь был отрезан белогвардейцами, поэтому нам и пришлось пока, до выяснения возможности проехать в Россию, поселиться в Бага-нуре, в 450 верстах от Улясутая. Жили мы в палатке.

После нашего бегства из Улясутая белогвардейцы не только конфисковали все принадлежавшее мне имущество, но и выслали за нами погоню.

Вскоре Бага-нур по тактическим соображениям пришлось покинуть и перебраться на р. Дзабхан, где приходилось жить, в зависимости от обстановки, то легально, то скрываясь. Так нам удалось благополучно прятаться до 13 июня 1921 г., когда мы были арестованы в непролазных тальниках в низовье Дзабхана. Арестовала нас русско-монгольская разведка, высланная белогвардейцами из Улясутая. Случилось это в тот момент, когда мы уже были готовы двинуться на Русь через Кош-Агач, путь этот только что был очищен от банд. Но судьбе было угодно распорядиться иначе, мы оказались во власти белобандитов, которые нас повезли в Улясутай. Так между жизнью и смертью мы находились до 22 июля, и благодаря лишь ряду случайностей приговор Унгерна о нашей казни не был приведен в исполнение. В ночь на 22 июля 1921 г. монгольские войска в Улясутае восстали против унгерновцев, и я с семьей был спасен моими друзьями Хатан-Батор-ваном и Джалханза-гегном.

24 мая 1921 г. Хатхыл. Монголия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив А. В. Бурдукова, хранящийся у Т. А. Бурдуковой.
2. Архив АН СССР, ф. 761, оп. 2, № 24.
3. Дамдисурэн Ц., О значении слов хуухэн и хувуун, — «Наука», Улан-Батор, 1941, № 1 (на монг. яз.).
4. Даревская Е. М., Алексей Васильевич Бурдуков (О роли русских поселенцев в изучении Монголии), — «Очерки по истории русского востоковедения. Сборник VI», М., 1963.
5. Котвич В. Л., Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии, СПб., 1914.
6. Потанин Г. Н., Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV. Материалы этнографические, СПб., 1883.
7. Скородумов А. М., Очерки по эпидемиологии чумы в Забайкалье и Монголии, Верхнеудинск, 1928.